

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

А. А. БЕЛЕЦКИЙ

О КУРСАХ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ

В связи с необходимостью улучшения подготовки наших языковедческих кадров надо признать вполне своевременной постановку вопроса о содержании и объеме курсов языкознания в высших учебных заведениях.

Нижеследующие соображения относительно курса «Общее языкознание» являются результатом научной и методической работы кафедры общего языкознания Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко за последние два года. Здесь предлагаются для обсуждения:

1. Названия основных курсов кафедры общего языкознания с распределением их по годам обучения.
2. Критические замечания относительно программы курса «Общее языкознание» (1952) и соображения по поводу желательного содержания и объема такого курса.
3. Выводы относительно содержания курса «Общее языкознание».

*

Программы курса «Общее языкознание» для филологических факультетов университетов (1951—1952 гг.)¹ необычайно перегружены материалом, который имеет отношение прежде всего к истории языкознания. Ясно, что весь этот материал невозможно изложить в течение отведенного для этого курса времени. Поэтому от курса «Общее языкознание» следует отделить, как специальный курс, «История языкознания» (который до сих пор известен у нас под названием «История лингвистических учений»), а также исключить из него элементы повторения уже пройденного в курсе «Введение в языкознание». Только в таком случае будет возможным последовательное изложение и без того огромного материала, относящегося к строению языкознания, к его наиболее актуальным проблемам и к приемам исследования языкового материала. Весьма желательно было бы также разгрузить этот итоговый

¹ В настоящее время мы располагаем только двумя программами курсов по языкознанию для филологических факультетов государственных университетов. Мы имеем в виду: 1) Программу курса «Введение в языкознание» авторского коллектива (проф. Чикобава А. С., акад. Виноградов В. В., проф. Ярцева В. Н., канд. филол. наук Серебренников Б. А., канд. филол. наук Коендрашов Н. А., отв. ред. акад. Виноградов В. В.), изд. МГУ, 1952 и 2) Программу курса «Общее языкознание» проф. А. С. Чикобава, отв. ред. акад. В. В. Виноградов, изд. МГУ, 1952. В дальнейшем у нас речь будет идти главным образом о второй программе, которая, надо сказать, удовлетворяет нас в меньшей степени, нежели первая.

курс введением специального курса «Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков».

Все названные курсы могут быть расположены на филологических факультетах университетов в таком порядке: первый год — «Введение в языкознание», второй год — специальный курс «Общая фонетика», третий год — специальный курс «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков», четвертый год — специальный курс «История языкознания» и пятый год — «Общее языкознание».

Едва ли здесь нужно много говорить о значении курса «Общая фонетика» для обобщения опыта практического изучения звуковых систем языков. У нас для него теперь есть такие руководства, как, например, «Введение в общую фонетику» М. И. Матусевич (Л., 1948).

Известно, что в курсе «Введение в языкознание» вопросам общей фонетики уделяется очень мало места. Между тем для слушания курса сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, для слушания курса истории языкознания и для изучения вопроса о методах в языкознании (в курсе «Общее языкознание») необходима основательная подготовка в области общей фонетики.

Необходимость специального курса «Общая фонетика» обуславливается и тем, что среди других языковедческих курсов этот курс занимает особое место: во-первых, он содержит значительный материал по анатомии человека и по акустике и, во-вторых, он непременно предполагает различные виды слуховой тренировки слушателей, в том числе и практические занятия с использованием различных видов фонетической транскрипции.

Таким образом, цель курса «Общая фонетика» состоит в следующем:

- 1) Дать понятие о звуковых возможностях речевого аппарата и об общих приемах классификации звуков (подробнее, чем это делается в курсе «Введение в языкознание»);
- 2) Разъяснить все основные фонетические понятия и их соотношения, в том числе соотношения звука речи и фонемы;
- 3) Подготовить студента к научному изучению устной речи, к преподаванию фонетики различных языков;
- 4) Специально заняться вопросами соотношения звука и буквы, соотношениями между звуковыми системами языков и их орфографиями;
- 5) Создать основу для записей еще не изученных языков и диалектов;
- 6) Подготовить аудиторию к пониманию исторических изменений звуковых систем языков.

Отсутствовавший в учебных планах университетов до лингвистической дискуссии 1950 г. курс «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков» сейчас должен быть восстановлен в своих правах в качестве обязательного курса для языковедов. Естественно, что этот курс требует от слушателей знакомства не только с новыми, но и с древними языками (старославянским, готским, латинским, древнегреческим, санскритом)².

Курс «История языкознания» не является новым в наших высших учебных заведениях. Необходимость его в настоящее время диктуется, кроме прочих соображений, еще и тем, что ни во «Введении», ни в «Общем языкознании» нет систематического изложения истории науки и не уделяется должного внимания приоритету отечественной науки и основным достижениям советского языкознания³.

² К сожалению, для этого курса у нас еще нет необходимых пособий. Но мы думаем, что до создания их нашими советскими языковедами можно было бы воспользоваться (с соответственными добавлениями) книгой А. Мейе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», М.—Л., 1938.

³ Отсутствие учебных пособий для данного курса тем более требует от нас систематического изложения относящегося к нему материала.

*

Большим неудобством рассматриваемой программы курса «Общее языкознание» является ее «концентрическое» строение, при котором к одному и тому же вопросу приходится возвращаться по нескольку раз.

Ср., например, § 13 — «Основные положения марксистско-ленинского понимания сущности, происхождения и развития языка» и т. д. и § 18 — «Происхождение языка. Место проблемы в советском языкознании» и т. д.; §§ 26—30 о фонетике, морфологии и синтаксисе в разделе «Специальные методы языкознания» и § 31 — «Строение языкознания», — где опять идут фонетика, морфология, синтаксис, а также лексикология, этимология (как особый раздел языкознания) и стилистика. Можно ли о последних говорить мимоходом, как о чем-то уже хорошо известном?

Критика вульгарно-социологических и грубо-идеалистических теорий Н. Я. Марра может быть дана в курсах «Введение в языкознание» и «История языкознания» (отчасти и в курсе «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков»), и к ней уже можно не возвращаться, во всяком случае в том объеме, как это предлагается в рассматриваемой программе, в итоговом курсе «Общее языкознание».

Несомненно, что в этом заключительном курсе следовало бы осветить основные достижения нашего советского языкознания, развивающегося в тесной связи с марксистско-ленинской теорией и с практикой социалистического строительства⁴.

Полное недоумение в рассматриваемой программе вызывает раздел «Литература», состоящий из двух названий. Почему, собственно говоря, для студентов первого курса рекомендуются некоторые специальные пособия по общему языкознанию (см. программу «Введение в языкознание», 1952), а для студентов пятого курса, которым, казалось, можно было бы рекомендовать литературу в гораздо большем объеме, упомянуты только такие источники, основательное знакомство с которыми от этих самых студентов требовалось еще на первом курсе? Конечно, в такой, обильной материалом, программе должна быть дана соответственная библиография, содержащая также произведения, предлагаемые для критического использования.

Таким образом, по нашему мнению, рассмотренная здесь программа должна быть в значительной мере видоизменена и соответственно ей должен быть и перестроен весь курс «Общее языкознание».

Прежде всего эта программа должна быть сокращена по общему объему материала. За установившиеся в практике для курса «Общее языкознание» 36 часов можно изложить в лучшем случае только ту часть данной программы, которой она наиболее отличается от программы курса «Введение в языкознание», а именно раздел «Специальные методы языкознания», исключая обширный материал по истории науки с середины XIX в. и до наших дней.

Слишком много места в программе курса «Общее языкознание» отведено не только для критики вульгарно-социологических теорий Н. Я. Марра, но и для изложения их в связи с критикой. Что же касается критики понятия «приобретенного родства», которое встречается в трудах Н. С. Трубецкого, то ей место, конечно, в курсе «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков»⁵.

⁴ Ср. статью «Тридцать пять лет Октября и советское языкознание» [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 7—24.

⁵ См. N. S. T r u b e t z k o y, Gedanken über das Indogermanenproblem. (Доклад, прочит. 14 декабря 1936 г. в Праге), «Acta Linguistica», v. I, f. 2, Copenhagen, 1939, стр. 81—89.

Что подразумевается в программе курса «Общее языкознание» под пунктом: «„Значение“ и „ценность“ в системе языка» (§ 15)? Если «ценность» надо понимать как субъективную оценку фактов и явлений известного языка (какого: своего родного или чужого?), то едва ли стоило вносить такой пункт в программу. Мне может казаться что-либо хорошим, например, в звучании слова потому, что таким я считаю его по значению, или мне кажется что-либо хорошим только по звучанию, независимо от его значения: не такой ли смысл этого пункта? Однако надо полагать, что слово «ценность» использовано здесь не в том смысле, в каком мы употребляем его в русском языке, но в значении французского слова *valeur* при противопоставлении его *signification*⁶. Так, например, некоторые языковеды считают, что личное местоимение *я* в каждом «контексте» и «конситуации» может приобретать новое значение (в зависимости от того, кто оказывается в положении первого лица единственного числа), но всегда имеет одну и ту же «стоимость» (т. е. первое лицо единственного числа, а не какое-нибудь другое лицо иного числа).

Идя по этому же пути, можно доказывать, например, что собственное имя *Иван* тоже имеет свои «значения» (их столько, сколько людей с этим именем) и свою «стоимость» (мужское собственное имя). Разумеется, языковеды интересуются не подобными «контекстуальными» и «конситуационными значениями», а «стоимостями», которые и являются с л о в ы м и з н а ч е н и я м и слов и словосочетаний, основных единиц высказывания и сообщения. Если в программе стоило упомянуть о «ценности» (соответственно «стоимости»), противопоставляемой «значению», то только для того, чтобы предупредить слушателей о невозможности и нежелательности подобного противопоставления.

Не удовлетворяет нас после классических определений сущности языка в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» еще одно дополнительное и, мы сказали бы, компромиссное, подправляющее кое в чем определение, данное в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра: «... язык как система знаков, физических по материалу (звук), социальных (коллективных) по значимости (значению? — А. Б.) и использованию (средство общения)⁷».

В этой связи загадочным остается в программе курса «Общее языкознание» (§ 14) следующий пункт: «Идеалистическое и материалистическое понимание языка как системы знаков».

Язык как общественное явление, в котором объяснить что-либо можно только ссылками на историю каждого факта, конечно, коренным образом отличается от любой «системы знаков».

К любой «системе знаков», например арифметических, можно прибавить новые знаки, выбросить за ненадобностью старые, изменить форму знаков по соглашению между пользующимися такой системой. Язык же во много раз сложнее любой системы знаков, и составные части его исторически обусловлены, а не включены в одну систему по соглашению между пользующимися данным языком для взаимного понимания, для общения.

⁶ См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933, стр. 77 и сл. и стр. 112 и сл.

⁷ Кстати сказать, мы считаем неуместными в программе «Общее языкознание» такие неудачные «транскрипции» греческих слов, как данные в этом же параграфе «фюзей» и «тезей» (надо было, если нежелательно использовать здесь греческий шрифт, дать хотя бы латинскую транслитерацию: 'physei — 'thesei). Во всяком случае, здесь не обойтись без указания места ударения в транскрибированных или транслитерированных формах.

Диалектико-материалистическое понимание языка мы, естественно, находим у классиков марксизма-ленинизма, но они нигде не определяют язык как «систему знаков». Очевидно, под «материалистическим пониманием языка как системы знаков» в программе подразумевается по существу не законченная в нашей печати дискуссия о «знаковости» в языке⁸.

Так же, как в отношении термина «система», надо сделать оговорку в отношении термина «структура». Если речь идет о «структуре языка», то в современном нам буржуазном зарубежном языкознании под этим термином подразумевается некая отвлеченная взаимосвязь составных частей языка, определяющая именно данный язык, но не как реальность, а как схему (это будет система «чистых отношений» в языковой схеме независимо от проявлений или реализации ее). Напротив, в нашем советском языкознании структурой языка, его строением или строем называется самое основное в языке, его грамматический строй и его основной словарный фонд: «Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»⁹. Можно предположить, что в названной программе слово «система» (соответственно — выражение «система языка» §§ 15, 25, 31) употребляется в смысле противопоставления данного состояния языка пройденным ступеням его развития. Если это действительно так, то необходимо подчеркнуть в курсе «Общее языкознание» различие понятий, выражаемых термином «система» в советском и в буржуазном зарубежном языкознании. Надо указать на то, что термин «система» в упомянутом выше его понимании нельзя считать синонимом термина «структура» в том понимании, в котором мы находим его у так называемых структуралистов¹⁰.

В нашем советском языкознании, которое последовательно соблюдает принцип историзма, «система языка» не может пониматься как нечто законченное, завершенное, неизменное, замкнутое в самом себе и независимое от развития коллектива, пользующегося этой «системой».

Совершенно очевидно, что в курсе «Общее языкознание» значительное место должно быть отведено вопросу о «специальных методах языкознания», среди которых следует выделить сравнительно-исторический метод как совокупность приемов, обеспечивающую нам исторический подход к языку.

В программе курса «Общее языкознание» вопрос о сравнительно-историческом методе занимает два параграфа (§§ 21, 22), с чем мы согласились бы, если бы до слушания названного курса студенты могли иметь возможность выслушать специальный курс — «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков». Едва ли, однако, можно согласиться с тем, что столько же параграфов (см. §§ 23, 24), сколь-

⁸ См. А. С. Чикобава, Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке, «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 22—39; Б. А. Серебряников, Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н. Я. Марра, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 245—288; Е. М. Галкина-Федорук, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 2, стр. 3—11.

⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 26.

¹⁰ Основы структурализма весьма последовательно со структуралистической же точки зрения изложены в «Очерке общего языкознания» Т. Милевского (см. T. Mi-lewski, Zarys językoznawstwa ogólnego, część. I, Teoria językoznawstwa, Lublin — Kraków, 1947).

ко было посвящено вопросу о сравнительно-историческом методе, надо посвящать вопросу о так называемом «палеонтологическом методе анализа по четырем элементам». «Метод гадания на кофейной гуще» едва ли может быть назван собственно совокупностью приемов научного исследования наряду со сравнительно-историческим методом, которому, несмотря на его ограниченность, в значительной мере зависящую от качества и полноты исследуемого материала, — классики марксизма-ленинизма дали высокую оценку.

Нельзя согласиться также с тем, что «специальному методу статического анализа» отведен всего лишь один параграф, смысл которого в том, что применение этого метода наталкивается на большие трудности и что вопрос об этом методе вообще еще не решен. Что такое «статический метод» наряду со сравнительно-историческим методом? «Статический метод» — это совокупность приемов описания языков.

Невозможно применять сравнительно-исторический метод к тем языкам, которые предварительно не были уже научно описаны. Отсюда понятно, что приемы научного описания языков имеют большое значение для нашей науки. Нет сомнения в том, что эти приемы описания неправильно называются «статическим методом». Это название непосредственно связано с предложенным в свое время Ф. де Соссюром разделением языкознания на «статическую» (соответственно — внутреннюю и синхроническую) и «динамическую» (соответственно — внешнюю и диахроническую) лингвистику. Наше советское языкознание, основанное на общем методе материалистической диалектики с его историзмом, не признает такого разграничения областей исследования в науке о языке. Однако этим несколько не умаляется значение совокупности приемов научного описания языков, без которого невозможной была бы не только сравнительно-историческая, но и нормативная грамматика каждого языка.

В рассматриваемой программе (см. § 9) подчеркивается «нерешенность основных вопросов статического анализа системы языка». Если бы с этим можно было согласиться, то едва ли нас могла бы теперь удовлетворить какая-нибудь из ныне существующих нормативных грамматик. Следует признать, что с описанием языков дело обстоит не так катастрофически, как это можно предположить на основании данной программы. Неужели все достижения инструментальной или экспериментальной фонетики не дают теперь нам возможности достаточно обстоятельно и последовательно описывать звуки и звуковые типы (фонемы) изучаемых языков?

Надо полагать, что и в описании грамматического строя языков (учитывая к тому же тесную связь фонетики с морфологией и с синтаксисом) имеются определенные достижения, обусловленные тем, что нам доступен теперь обширный материал различных языков мира. Это наше преимущество, например, перед древнегреческими и древнеиндийскими грамматиками.

При описании родного языка мы можем использовать прием сравнения его с чужими языками (как родственными, так и неродственными) и, наоборот, при описании чужих языков всегда можем воспользоваться опытом изучения родного языка. Само собою разумеется, что совокупность приемов, применяемая в настоящее время для описания языков, нуждается в дальнейшем уточнении и усовершенствовании. Именно это обстоятельство заставляет нас высказать свое убеждение в том, что приемам «синхронического описания» (эпитет «синхронический» является более подходящим в данном случае, чем «статический») надо уделить должное внимание в курсе «Общее языкознание» и особенно в желательных для этого курса практических занятиях.

Общее языкознание немислимо без ознакомления изучающих его с языками различного грамматического строя. Мы думаем, что уже прошло то время, когда с проблемами языкознания знакомились только на материале родного языка. Совершенно ясно и то, что все эти проблемы не могут решаться в пределах одного какого-либо языка, даже при учете его разновидностей и его документальной истории¹¹.

Ценность приобретенных теоретических знаний особенно станет наглядной для студентов-языковедов, когда они смогут проверить свои знания на практике. Среди возможных видов практики у них должна быть и такая, как научное описание определенного языкового материала. Такое описание может быть прекрасной темой курсовой или дипломной работы.

Остальные параграфы раздела «Специальные методы языкознания» (§§ 26—30), как упоминалось выше, связаны уже не с вопросами о приемах исследования, но с отделами языкознания (фонетика, морфология, синтаксис), с определением грамматических категорий (части речи, члены предложения, слово, словосочетание, синтагма, предложение и т. д.), а также с историей науки.

Здесь вновь перед нами обычный для общих курсов калейдоскоп собственных имен: Потебня, Пешковский, Фортунатов, Шахматов, Богородицкий, Щерба, Виноградов (ср. § 27); Вундт, Иерузалем, Бренгано, Марбе, Пауль, Дельбрюк, Свит (может быть, Суит? — А. Б.), а также — Петерсон, Будде, Державин и еще раз некоторые из уже названных выше. Между прочим, вместо того чтобы в разделе «Специальные методы языкознания» нашего курса «Общее языкознание» просить студентов не путать «статического» метода со «статистическим» методом, почему не сказать им о том, что в нашей науке действительно существует и находит многообразное применение прием подсчетов, т. е. «статистический» метод?

Действительно, студентам полезно было бы знать, что калькуляция бывает нужна не только, например, в фонетике, в морфологии, в синтаксисе, в лексикологии, но даже в стилистике, при изучении особенностей языка авторов или их произведений. Здесь же можно было бы предупредить их о возможных методологических ошибках при злоупотреблении статистическим методом.

Важные общие положения о применении статистического метода для определения степени родства языков разработал в свое время известный польский языковед Я н Ч е к а н о в с к и й¹².

Часто, однако, применение статистического метода в такой области, как установление степени родства языков, не дает ничего нового при сопоставлении с уже известным из сравнительно-исторической грамматики и документальной истории языков¹³.

Странным образом из программ курсов «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» выпало такое важное для нашей науки понятие, как понятие «ф о р м ы с л о в а». Относительно его определения нам едва ли нужно здесь говорить теперь, когда нашим читателям известна итоговая статья «О формах слова» акад. В. В. Виноградова¹⁴.

¹¹ Мы считаем, что исключительно ценным пособием для изучения общего языкознания являются брошюры из серии «С т р о й я з ы к о в», изданные Ленинградским государственным университетом. Остается лишь пожалеть, что в этой прекрасной по своему замыслу серии не было издано описаний грамматического строя языков народов и народностей Советского Союза.

¹² J. C z e k a n o w s k i, Na marginesie recenzji P. K. Moszyńskiego o książce: Wstęp do historii Słowian, «Lud», serja II, t. VII, zeszyt I—IV, Lwów, 1928, стр. 41—56.

¹³ См., например, «Language», v. XIII, Baltimore — 2, Md., 1937, стр. 83—103.

¹⁴ См. В. В. Виноградов, О формах слова, «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», М., 1944, вып. 1, стр. 31—44.

В первой из названных программ о слове говорится (§§ 9—11) в связи с семантикой и лексикологией, а во второй (§§ 26, 27) — в связи со «специальными методами языкознания», где, правда, имеется абзац: «Учение о слове и частях речи в русской грамматической литературе» (Потебня, Пешковский, Фортунатов, Шахматов, Богородицкий, Щерба, Виноградов). При этом указывается на «невозможность единого морфологического определения слова для языков различного морфологического строя» (§ 27). Ну, а разве возможно такое же, например, фонетическое или синтаксическое определение? Кроме того, если невозможно единое для всех языков определение (разумеется, не одностороннее, а многостороннее), то разве уже есть у нас бесспорные определения слова для отдельных языков?

Неудачным — даже в стилистическом отношении, а не только по общему смыслу — является определение предмета синтаксиса (§ 30 той же программы): «Учение о строе сочетания слов как предмет синтаксиса». Известно, что ведению синтаксиса подлежат не только сочетания слов в предложении, но и сочетание предложений: например, главных и придаточных. Что такое «строй сочетания», остается непонятым. Как понимать в программе «Общее языкознание» (§ 34) противопоставление «функциональных и структурных понятий языкознания» (их характер и взаимоотношение)? Что может дать нам такое противопоставление и какие «функции» и «структура» имеются в виду?

Мы, конечно, понимаем, что оба названных в программе термина не следует смешивать с их однозвучными соответствиями в зарубежном буржуазном языкознании (где «функция» употребляется в математическом значении — «величина, изменяющаяся по мере изменения другой величины, так называемого аргумента», и «структура» — в уже упомянутом значении: нем. *Gestalt*, франц. *structure*, англ. *structure* и *pattern*).

Но если даже понимать «функцию» в смысле «действия, употребления, применения, использования», а «структуру» в смысле «строения, строя», то разве не будет большинство наших терминов одновременно и «функциональными», и «структурными»?

Так, например, такой термин, как морфема, не будет ли одновременно «структурным» (если мы говорим, что слово в индоевропейских языках может состоять из таких морфем, как префикс, корень, словообразовательный суффикс и формообразовательный суффикс) и «функциональным» (если мы говорим, что морфема, называемая корнем, выражает понятие вообще или лексическое понятие, а прочие морфемы могут выражать специальные грамматические понятия)?

Наконец, если под структурными терминами подразумеваются такие, как фонетика, морфология, синтаксис, лексикология, семантика, а под функциональными такие, как фонема, морфема, синтагма, предложение, слово, словосочетание, понятие, смысловое значение и т. д., можно было просто указать на то, что в нашей науке одними терминами называются разделы науки, а другими — те факты и явления, которые в каждом разделе изучаются.

*

Таким образом, мы полагаем, что заключительный в ряду языковедческих курсов курс «Общее языкознание» должен состоять из таких основных разделов:

1. Изучение проблем общего языкознания в свете основополагающих трудов классиков марксизма-ленинизма.

2. Основные достижения советского языкознания после дискуссии 1950 г. и обзор новейшей литературы по общему языкознанию.

3. Марксистский диалектический метод как основной метод всякого научного исследования и специальные методы: а) сравнительно-исторический, б) описательный («статический»), в) статистический, г) метод эксперимента, о котором писал акад. Л. В. Щерба, и д) прочие методы.

4. Вопросы планирования и преподавания дисциплин кафедр общего языкознания (элементы методики преподавания общего языкознания).

Для нас нет сомнения в том, что курс «Общее языкознание» должен слушаться теми студентами, которые уже слушали курс «История языкознания».
